

ДЖОНАТАН
КЕЛЛЕРМАН

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ РОМАНЫ ДЖОНАТАНА КЕЛЛЕРМАНА:

Кости

Обман

Убийца

Дочь убийцы

Жертвы

Крушение

ДЖОНАТАН
КЕЛЛЕРМАН

ОБМАН

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
КЗ4

Jonathan Kellerman
DECEPTION

2010 by Jonathan Kellerman. This translation is published by
arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

Школа перевода
В. Баканова

Оформление серии *Андрея Саукова*

Cover design: Marc J. Cohen

Cover art: Marc J. Cohen and Tom Hallman

Келлерман, Джонатан.

КЗ4 Обман / Джонатан Келлерман ; [перевод с англий-
ского П. Кодряного]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103568-6

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий.

Отчаянный зов на помощь остался не услышанным. Учительница Элиза Фриман была найдена в своей ванной, заполненной сухим льдом. А рядом лежал диск с видеозаписью ее гневного обличения своих обидчиков – троих коллег по колледжу, постоянно домогавшихся до нее. Но обстоятельства смерти Элизы выглядели настолько странно, что шеф полиции Лос-Анджелеса сразу передал дело лучшей паре сыщиков – лейтенанту Майло Стёрджису и психологу Алексу Делавэру. И намекнул, что более секретного расследования у них еще не было...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Кодряной П., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-103568-6

ГЛАВА 1

Ее глаза будто жили собственной жизнью.

Почти бесцветные, с опущенными вниз уголками, они смотрели в объектив камеры, странным образом одновременно выражая вызов на бой — и капитуляцию.

Женщина не двигалась. Камера тоже была неподвижна. Стена за спиной женщины — фиолетово-коричневая, цвета трехдневного синяка под глазом; диван, на который она забралась с ногами, — серый. Симпатичная, особенно если забыть о явном испуге на лице и в позе. Голова втянута в плечи, сухожилия на шее натянулись, как стальные тросы. Черное платье без рукавов подчеркивает белизну мягких рук. Переосветленные волосы вяло рассыпались по воротнику.

Время шло, ничего не происходило. В других обстоятельствах я отпустил бы шутку насчет того, что вижу один из послевоенных антифильмов Энди Уорхола — бесконечных, статичных видов Эмпайр-стейт-билдинг или съемок спящего человека. Вот только когда видео для просмотра приносит лейтенант из отдела по расследованию убийств, с шутками лучше повременить.

Лейтенант Майло Стёрджис стоял у меня за спиной. Черные волосы взъерошены, примерно в том же состоянии и плащ — дешевая зеленая тряпка, которую уже ничто не спасет. От плаща исходил неожиданно приятный растительный запах. Завтрак Майло, огромное буррито в картонной

коробке, в каких отпускают еду навывнос, лежал у меня на столе. Нетронутый. Обычно Майло еще с порога устремляется к моему холодильнику, именем закона производит конфискацию всего недостаточно диетического и запивает добычу добрым литром чего там еще найдется. Нынче же утром он прошепствовал прямиком в мой кабинет и торжественно загрузил DVD:

— На ваш суд, доктор!

Моя маленькая французская бульдожка Бланш с необычно серьезным видом сидела рядом. Как всегда, она встретила Майло с улыбкой, но почувствовала, что не все в порядке, когда лейтенант не наклонился ее погладить. Я потрепал Бланш по узловатому затылку; она на секунду подняла на меня взгляд и вновь повернулась к монитору.

Губы женщины дрогнули.

— Сейчас начнется!

Снова продолжительное молчание.

— Поторопился, — нехотя признал Майло.

— Меня зовут Элиза Фримен, — заговорила наконец женщина. — Я веду уроки и индивидуальные занятия в Виндзорской подготовительной академии, Брентвуд. — Она переплела пальцы, уронила руки на колени. — Я делаю эту запись, чтобы засвидетельствовать постоянные преследования и унижения, которым подвергаюсь со стороны других учителей Виндзорской подготовительной академии. Для краткости далее я буду называть ее просто Академией.

Глубокий вдох.

— В течение последних двух лет три преподавателя Академии регулярно совершают сексуальные домогательства в мой адрес. Ничем не спровоцированные домогательства, и я уже не нахожу себе места от беспокойства. Их имена... — Она подняла правую руку и вытянула вверх указательный палец. — Энрико Хауэр. Хэ-а-у-э-эр. — Еще один палец вверх. — Джеймс Уинтерторн. — Снова медленный, по буквам, повтор фамилии, потом — третий палец. — Пат Скэггс.

Рука опустилась.

— За два года Энрико Хауэр, Джеймс Уинтерторн и Пат Скэггс превратили мою жизнь в сущий ад своими постоянными преследованиями, для которых я не давала ни малейшего повода. Я записываю это видео на случай, если со мной что-то произойдет, чтобы полиция знала, где искать виновных. Я не знаю, что делать, я окончательно запугана и чувствую себя в западне, из которой нет выхода. Надеюсь, никому и никогда не придется смотреть эту запись, но если все-таки до этого дойдет, я рада, что сделала ее.

Женщина закрыла глаза; губы ее беззвучно шевелились, тело обмякло. Вдруг она снова резко выпрямилась, гордо подняла голову. Во взгляде — вызов, отнюдь не капитуляция. Глядя прямо в камеру, она отрезала:

— Спасибо за внимание!

Синий экран.

— Неплохая завязка для третьесортного кинца, а? — поинтересовался Майло.

— С кинцом ты ко мне не заявился бы... Она убита?

— Все может быть. На данный момент ее тело заморожено.

— Хочешь сказать, лежит в холодильнике у патологоанатома, пока тот занят более неотложными делами?

— Сегодня утром я — сама буквальность, — рассмеялся Майло. — Тело заморожено при помощи сухого льда. Твердой уголекислоты. Ее нашли дома в ванне, заполненной сухим льдом.

Я на мгновение попытался представить себе светловолосую женщину в виде мороженого трупа. Картинка мне не слишком понравилась, и я предпочел вернуться к дискуссии в привычной роли мудрого советника.

— Какой-то умник попытался запутать вопрос о времени смерти? Или наоборот — психопат, придумавший новый способ продемонстрировать дело рук своих?

Майло поморщился, словно оба варианта были ему одинаково неприятны. Извлек DVD, положил его обрат-

но в прозрачную пластиковую коробку — не надевая перчаток, поскольку дактилоскопия диска уже была сделана. Никаких отпечатков, кроме «пальчиков» самой Элизы Фримен.

— Ну, и что теперь? — спросил я.

Майло повращал головой, разминая затекшую шею:

— Кофе не найдется? И тостов?

ГЛАВА 2

■
Мы захватили с собой черный кофе в дорожных стаканчиках с крышками и шесть ломтей ржаного, с присыпкой, обильно намазанных маслом.

Иногда, если Майло намерен по дороге подумать, сделать звонок, отправить эсэмэску или просто вздремнуть, он использует меня в качестве таксиста. Вообще-то правила департамента полиции Лос-Анджелеса запрещают такие вещи, но они много чего запрещают. Вместо оплаты по счетчику Майло ставит мне выпивку в баре или еще что-нибудь в том же духе.

Сейчас он как раз был намерен подкрепиться, и я предложил свой «Кадиллак». Лейтенант отрицательно pokrутил головой, рассыпая во все стороны крошки, и направился к своей нынешней полицейской машине без опознавательных знаков — бурому флегматичному «Шевроле». Мы двинулись на север по бульвару Беверли-Глен; одной рукой Майло держал руль, а другой закидывал в рот ржаные тосты. Полицейскую рацию он выключил. Буррито с удовольствием расположилось на заднем сиденье, напоминая о себе изысканным ароматом фасоли.

— Хочешь знать почему? Чтобы не разводить свинарник в твоей машине, — сообщил Майло.

— Я скорее хочу знать, куда мы едем.

— Туда, где она умерла. В Студио-Сити.

— Это ведь не Западный Лос-Анджелес, но дело все равно досталось тебе?

— Официально это даже пока не убийство, но дело все равно досталось мне.

Опытный психолог отличается от новичка тем, что знает, когда лучше промолчать. Я поудобней устроился в кресле и отпил кофе.

— Надеюсь, у нее дома найдется микроволновка, чтобы разогреть буррито, — проворчал Майло.

Дом Элизы Фримен, крытое толем зеленое бунгало, располагался на небольшой улочке к востоку от Лорел-Кэньон, севернее бульвара Вентура. Улочка пряталась в тени многочисленных деревьев, в кронах которых плели свои сети пауки. Слишком близко к бульвару, и, как следствие, — постоянный шум множества машин; а вот вид на город скрывался за растительностью и соседними зданиями. К зеленому домику вела подъездная дорожка, настолько узкая и неудобная, что больше напоминала случайную полосу бетона посреди укатанной грунтовки. У входа — серого цвета автомобиль. Не маленький, но все же недостаточно большой для того, чтобы скрыть от взгляда с улицы сомнительные достоинства жилища. Видавшую виды обшивку стен, местами протертую до деревянной основы. Искривившиеся оконные панели. Фундамент, просевший настолько, что дом заметно покосился вправо.

А вот ни полицейских, охраняющих место преступления, ни даже заградительной ленты видно не было.

— Когда ее нашли? — спросил я.

— Вчера вечером. Нашел приятель Элизы. Сказал, что говорил с ней по телефону тремя днями раньше и с тех пор она не брала трубку. Получается, что-то произошло двое суток назад. В принципе, совпадает с предварительной оценкой времени смерти. Скорее всего, позавчера рано утром. Насколько мне объяснили, сухой лед не тает, а сублимирует, испаряется в атмосферу. Если б это был обычный лед, можно было бы попытаться определить время по количе-

ству талой воды. В морозильнике сублимация шла бы со скоростью от трех до пяти килограммов в сутки; при комнатной температуре, конечно, быстрее.

— А упаковка ото льда осталась?

— Нет. В том-то и дело.

Значит, кто-то прибрал за собой.

— Обстановка на месте преступления сохранена?

Майло нахмурился.

— Мне как-то не довелось ознакомиться с обстановкой, поскольку я получил дело сегодня в пять сорок утра. В кои-то веки приснился хороший сон, и тут звонок от Вайнберга, зама нашего шефа... Через десять минут курьер привез ключи от дома, DVD и досье — практически пустое.

— И так-то дело необычное, плюс еще вопиющее отклонение от должностных инструкций, — заметил я. — Похоже, приказ с самого верха.

Машина медленно ползла по подъездной дорожке, пока Майло внимательно изучал окрестности. Густые заросли слева, двухэтажный особняк в колониальном стиле справа. Обшивка стен особняка — такая же, как и у бунгало, но, насколько я мог видеть, недавно выкрашена в белый цвет, а ставни, для контраста, — в черный. Обширный участок отделен от тощего клочка земли, на котором примостился домик Фримен, трехметровым оштукатуренным забором. По верху забора пущен ряд кирпичей, густо увитых бугенвилеей, которая обеспечивала дополнительную приватность.

Вполне вероятно, бунгало в прошлой жизни было частью землевладения, располагавшегося вокруг особняка. В свое время склоны долины Сан-Фернандо покрывали довольно крупные поместья. Домик предназначался для гостей или для слуг. Возможно, для хранения упряжи, если хозяином поместья был голливудский актер из тех, что играли в ковбойских фильмах; такой вполне мог выбрать себе дом поближе к Бербанку, где тогда делались «натурные» съемки Дикого Запада.

Майло окончательно сбросил скорость и остановился впритирку к серому «Форду».

За рулем никого не было, но из-за бунгало навстречу нам вышел человек в двубортном костюме кремового цвета. Чуть-чуть выше ростом, чем Майло с его метром девяносто, широкоплечий, чернокожий, в очках. Костюм явно пошит на заказ, поскольку присутствия кобуры под мышкой почти не заметно.

Вышедший небрежно кивнул:

— Привет, Майло.

— Здравствуй, Стэн.

— А это?..

— Доктор Делавэр.

— А, твой психолог...

— Звучит так, будто я прохожу у него терапию.

— Терапия у нас сейчас в моде, Майло. Департамент одобряет, когда сотрудники заботятся о своем психическом здоровье.

— Похоже, я пропустил этот циркуляр.

Мужчина протянул огромную ладонь.

— Меня зовут Стэнли Крейтон, доктор.

Мы обменялись рукопожатием.

— И что заставило тебя спуститься с Олимпа, Стэн? — поинтересовался Майло.

— Это наш холм теперь так называется? Я здесь, чтобы присмотреть за местом преступления.

— В списке служебных обязанностей капитана полиции появилась новая строка?

— Приказы не обсуждаются, — парировал Крейтон и повернулся ко мне. — Что касается имеющих у меня приказов, доктор... При всем уважении к вашей профессии вам не следует здесь находиться.

— У него есть разрешение, Стэн.

Крейтон нахмурился. Несмотря на холодное утро, на его щеке проступила испарина.

— Похоже, я пропустил этот циркуляр, Майло.

— Неудивительно, учитывая, какие горы мудрости постоянно вываливает на тебя Его Великодушие.

— Попробуй назвать так шефа в лицо, — Крейтон сверкнул великолепными зубами. — Доктор, вам действительно следует покинуть это место.

— Стэн, ему действительно не следует делать ничего подобного.

Улыбка Крейтона теперь больше напоминала угрожающий оскал.

— Ты утверждаешь, что доктор имеет святейшее благословение присутствовать на данном конкретном месте преступления?

— У меня есть причины рассказывать тебе сказки?

— Причин нет, — согласился Крейтон. — Вот только человеческое поведение не всегда обусловлено рациональными причинами. Например, моя жена — врач, но это не мешает ей курить по полторы пачки в день.

— А ты, Стэн, позвони прямо в Ватикан и наведи справки.

Крейтон некоторое время внимательно меня разглядывал.

— Доктор, если я правильно понимаю, лейтенант Стёрджис сообщил вам, что в этом деле требуется исключительная конфиденциальность?

— Совершенно верно.

— Исключительная, — повторил Крейтон.

— Обожаю исключения, — ответил я.

— Почему бы это, доктор?

— Они значительно интересней правил.

Крейтон опять изобразил улыбку. С тем же успехом можно было бы попытаться напаять на мастифа колготки.

— Доктор, я уважаю вашу профессию; специальность моей жены — неврология, и она постоянно работает в контакте с психологами. Однако мне начинает казаться, что лейтенанту Стёрджису вы нужны не столько с профессиональной точки зрения, сколько за компанию. — Крейтон глубоко вдохнул, прежде чем продолжить: — Чтобы было с кем дурацкие шутки шутить.

Прежде чем я успел ответить, он снова повернулся к Майло.

— Сколько вам нужно здесь времени?

— Трудно сказать.

— Нельзя ли чуть поточнее?

— Послушай, Стэн...

— Ты видел фотографии с места преступления, тело давно увезли, отпечатки пальцев и пробы жидкостей — в лаборатории, компьютер жертвы исчез. Что ты собрался искать?

И ни слова про DVD.

— Черт возьми, Стэн, — возмутился Майло, — а зачем полиции вообще работать, когда каждый может нанять частного сыщика на detective.com?

— Очень смешно. Ха. Ха. Ха, — объявил Крейтон. — В сухом остатке у нас вот что: ты здесь ничего не найдешь. Если ты, конечно, не экстрасенс и не явился пощупать ауру.

— То есть на моем месте ты не счел бы нужным осмотреть место преступления?

— Да валяй, осматривай, прикрывай свою задницу. Только пошевеливайся. Я здесь с шести утра, Вайнберг разбудил меня и отдал приказания еще на час раньше. В такую рань мне обычно не до шуток, а сегодня утром еще и чертовски болит колено. Поэтому сейчас я пойду и не спеша погуляю; надеюсь, колену это будет на пользу. Также очень надеюсь, что, когда я вернусь, вы уже уберетесь отсюда к чертовой матери, так что я тоже смогу убраться отсюда к чертовой матери и заняться, наконец, делом, за которое мне, собственно, платят деньги. — Он одарил меня неприязненным взглядом. — Вы тоже будьте поосторожней, доктор.

Заметно прихрамывая, Крейтон удалился.

— За какую команду он играл? — спросил я.

— Университет Невады. В основном выходил на замену.

— И что это за дело, за которое ему, собственно, платят деньги?

— Раньше он был главой отдела преступлений на сексуальной почве. Теперь — перекладывает бумажки и сидит на собраниях.

— И еще время от времени работает постовым.

— Забавно, да?

Мы направились к зеленому домику. Я поинтересовался:

— Если дело настолько секретное, как тебе удалось выбить для меня допуск у шефа?

— Обязательно расскажу, когда получу этот допуск.

Крыльцо домика под нашим весом издало жалобный скрип. У входа висела кормушка для птиц; сейчас в ней не было ни пищи, ни воды. Майло открыл дверь ключом с полицейской биркой, и мы вошли в небольшую полутемную гостиную. Подставка для телевизора стояла пустой.

— Видеоаппаратуру забрали в лабораторию? — спросил я. Утвердительный кивок.

— А где нашли DVD?

— На полке среди ее любимых фильмов. Во всяком случае, так мне сообщили.

— Крейтон ничего про него не упомянул.

— Я же говорил — DVD мне доставили с курьером.

— Каким курьером?

— Обычный такой парень. Прилично одетый.

— С полицейским значком?

— Ну, был у него и значок.

— Что-то я перестал тебя понимать.

— К DVD была приложена записка; там было сказано, где его нашли.

— Но в протоколе он не значится?

— Забавно, да?

— Кто из полицейских прибыл по вызову?

— Двое парней из отдела полиции Северного Голливуда, которым ну совершенно нечего сообщить мне «не для протокола».

— Майло, может, ты объяснишь мне, что стоит за всеми этими отклонениями от обычного порядка?

— Дело не в ней самой, — сказал Майло. — На нее как раз всем наплевать. В этом, собственно, и беда, Алекс.

— То есть дело — в подозреваемых? В том, где они работают?

— Заметь, я тебе ничего такого не говорил.

— У Академии настолько серьезные возможности по защите собственной репутации?

— Так бывает, если там учатся дети по-настоящему важных шишек. Вот среди твоих пациентов есть ученики Академии?

— Попадают.

— Не поделишься впечатлениями?

— Способные и в целом симпатичные ребята. В массе своей довольно одаренные, но им приходится справляться с большой нагрузкой — в учебе, в спорте, в общественной жизни... Короче, все, как в любой другой старшей школе.

— В этом деле все не как в любой другой школе.

— Из-за одного конкретного ученика?

Молчание.

— Сейчас начинается прием заявлений в университеты, — начал рассуждать я. — Можно было бы поставить на то, что у вашего шефа ребенок нацелился на Лигу плюща¹.

Майло отбросил со лба прядь нечесаных волос. Несмотря на плохое освещение, все дефекты кожи на его лице были сейчас отчетливо видны.

— Если что, я от тебя ничего такого не слышал.

— Сын или дочь?

— Сын. Единственный. Альберт Эйнштейн, если послушать его мамашу, Деву Марию.

— Двусмысленные у тебя метафоры.

— Да ладно, оба были приличными еврейскими детишками.

¹ Л и г а п л ю щ а — собирательное название восьми старейших и авторитетнейших американских частных университетов. Включает в себя, в частности, Гарвард, Йель, Браун, Принстон, Колумбийский и Пенсильванский университеты. — *Здесь и далее прим. пер.*